

18+

Роберт Кляйн

Немец Поволжья

Часть II

Война

Роберт Кляйн

**Немец Поволжья.
Часть вторая. Война**

«Издательские решения»

Кляйн Р.

Немец Поволжья. Часть вторая. Война / Р. Кляйн —
«Издательские решения»,

Вторая часть романа «Немец Поволжья» — «Война» — повествует о жизни советского немца во время Великой Отечественной войны. Главный герой Александр Майер проходит срочную службу в Приволжском военном округе в городе Пугачёве. Здесь его застаёт известие о начале войны. Артиллерийский полк направляется на фронт и с ходу вступает в тяжёлые бои за Могилёв, которые продолжаются почти три недели. Героическая оборона Могилёва срывает план гитлеровского блицкрига. Но до конца войны ещё очень далеко.

© Кляйн Р.

© Издательские решения

Содержание

ВОЙНА	6
Война началась	10
Навстречу войне	12
Первые бои	18
Прорыв из окружения	24
Не внушающие доверия	28
В Могилёве	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Немец Поволжья. Часть вторая. Война

Роберт Кляйн

© Роберт Кляйн, 2026

ISBN 978-5-0070-6274-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-6275-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОЙНА

Похвала комкора

В середине июня тысяча девятьсот сорок первого года части 148-ой дивизии, в которой служил Александр Майер, стояли в летних лагерях. После бесконечных зимних марш-бросков по продуваемой пронзительными ветрами ледяной степи, с извивающимися по ней снежными змейками; после весёлой весны, расписавшей степь от края до края сочной зеленью и яркими полями жёлтых, белых, красных тюльпанов, наступило жаркое лето заволжской степи.

Солнце жгло нещадно, травы стали жёсткими, весенняя синь поблекла, и на горизонте плескалось и дрожало марево.

У полковой коновязи беспокойно толок пыль гнедой красавец Алим. Голова его была маленькой, шея длинной, ушки тонкими и острыми.

Майер в застёгнутой на все пуговицы гимнастёрке с одной полоской на петлицах и краснолицый долговязый красноармеец первого года службы Давид Губер, выкатывали из сарая лёгкую рессорную двуколку. Красноармейцы Костя Власов и Вальтер Крейнер чистили навоз вокруг почти стометровой конюшни. Из неё неожиданно появился командир дивизиона капитан Андрюшин, вошедший, вероятно, через ворота с дальнего торца:

— Крейнер! Широкова не видел?

— Никак нет, товарищ капитан! — ответил тёмно-русый, худой Крейнер.

— Чтоб его черти! Опять, наверно, по бабам всю ночь шастал! Губер! Если явится, передай, что он мудель!

— Есть передать, что товарищ сержант есть мудель!

— Будь здесь! Если не найду его, повезёшь меня в штаб!

— Есть, товарищ капитан!

Андрюшин ушёл так же, как пришёл — через конюшню.

Через четверть часа прибежал запыхавшийся ординарец комдива сержант Широков.

— Сейчас ругаться будет, — тихо сказал по-немецки Губер, кося светлыми глазами из-под рыжих бровей.

Он не ошибся:

— Губер, мать твою! Тебе было приказано вычистить Алима!

— Я его вычистить.

— Вычистить, — передразнил сержант, — а почему он весь в пыли?

— Я вычистить, а он имел упасть и кататься на пыль.

— На пыль! Зачем же ты дал ему упасть?

— Он не стал меня спрашивать. Он хотел покататься, упал и покатался на своя спина. Я не виноват. Спина его, а не моя!

— Ну ты ещё поумничай! Капитан приказал, чтоб Алим был чистый! Нам в штаб ехать, а Алим грязный как поросёнок. Давай, чисть заново! Да смотри, чтоб опять не вывозился.

— Зачем чистить... Пыль совсем немножко есть, — пробурчал Давид Губер, зажимая в клешнистой ладони дужку ведра. — Можно и на пыльный конь ехать, пыль ему не мешать бегать.

— Порассуждай у меня! Твоё дело телячье: получил приказ — выполняй! Понял?

— Понял...

— Не «понял», а «так точно!»

— Так тоочно, — лениво протянул Губер и вразвалку, пыля сапогами, направился к колодцу.

— Губер, ты забыл! Тебе капитан велел что-то передать товарищу сержанту, — сказал Власов, ухмыляясь.

— А что молчишь? — накинулся сержант на Давида.

— Товарищ сержант, товарищ капитан имел сказать...

— Ну что он сказал: телись скорей!

— Товарищ капитан имел приказать передать вам, что вы есть мудель.

— Кто? — побагровел сержант.

— Мудель, товарищ сержант.

Власов и Майер покатались со смеху.

— А ты, дурак, и рад повторить. Ты хоть знаешь, что это такое? Болван!

— Товарищ сержант, — вступился за Давида Власов, — он же не мог не выполнить приказа старшего командира.

— Да, — подтвердил Губер, — товарищ капитан имел сказать: «Обязательно передавай ему, что он есть мудель».

— Передал и проваливай! Свободен! Кругом! Шагом марш Алима чистить!

— Ух и жарится! — сказал сержант Широков, сняв пилотку и вытирая рукавом ранние залысины. — Неужто всё лето так будет?

— Это ещё не жара, — ответил Сашка, — вот в июле будет настоящая жара! Ночью не заснёшь. Только если простыню холодной водой намочишь, да на дворе ляжешь. Тогда кое-как заснёшь. А утром просыпаешься опять мокрый, только уже от пота.

— Что за жизнь. Сейчас только понимаю, в каком райском месте жил: небо низкое, серенькое, дождик сыплет, и воздух лёгкий, грибами пахнет. А рядом лес и река: хочешь грибы собирай, хочешь — рыбу лови.

— А вы откуда, товарищ сержант?

— С Белого моря, из-под Архангельска.

— А-а.

— И как вы тут живёте?!

— Привыкли. Живём помаленьку.

Через пять минут вернулся Губер с ведром воды:

— Зачем чистить конь? Он через пять минут снова пыльный стать, — ворчал он.

Давид ещё не успел приступить к чистке, как прибежал командир дивизиона капитан Андрюшин:

— Широков, давай со мной! Ты, Майер, остаёшься за командира отделения. Не забудь сводить ребят на обед! Губер, запрягай!

— Товарищ капитан, товарищ сержант имел приказать, ещё раз почистить Алим, — сказал Давид, хлопая рыжими ресницами.

— Отставить! Некогда! Уже опаздываем!

Коляска, наконец, была заложена, Широков с капитаном сели рядом на сидение, и стройный Алим, приплясывая и высоко задирая голову, дёрнул с места и помчался крупной рысью в штаб по какой-то надобности своих седоков.

— И зачем гонял? — сказал, вновь переходя на немецкий, Губер, снял гимнастёрку и вылил ведро воды себе на голову.

— Тебе, Давид, ещё долго служить?

— До мая сорок третьего.

— А мне только полгода. Ты после службы куда?

— В колхоз вернусь, куда ж ещё?

— Ты в колхозе кем работал?

— Кузнецом.

— У тебя девушка есть?

- Есть.
- Красивая?
- Раз есть, значит красивая. А у тебя?
- У меня тоже есть. У меня и сын есть. Но я его ещё не видел — он родился, когда я ушёл служить.
- Ты меня обогнал. Я только собираюсь жениться.
- Я тоже не женат.
- Как не женат? А сын?
- Разве обязательно быть женатым, чтобы иметь сына?
- Не знаю. Это нехорошо.
- Что нехорошо.
- Что ты сейчас сказал.
- Да что же нехорошего? Вернусь домой и поженимся.
- Как её зовут?
- Алиса.
- Городская?
- С чего ты взял?
- В сёлах нет такого имени. У нас в селе Эммы, Амалии, Марии, Берты, Гермины. Никогда не было Алис.
- А твою как звать?
- Ханна. Но до свадьбы нельзя.
- Она тебя провожала?
- Конечно.
- И даже не поцеловала на прощанье?
- Я её поцеловал, но знаю, что это грех.
- Да что ж ты такой отсталый? Будто и не при Советской власти живёшь!
- Мои родители так жили. Они не дурнее нас.
- Конечно не дурнее, но у них мало знаний. Мы не умнее их, но мы больше знаем, мы сильны наукой. Наука — это такая мощь! Электричество, машины... Вернусь домой, женюсь на Алисе, пойду учиться. Меня ведь в институт посылали, да родители не пустили. А сейчас не буду никого слушать — пойду!
- А кто тебя с Алисой и сыном кормить будет?
- Прокормимся! Буду работать и учиться. Переедем в Сталинград. Хочется не просто ремонтировать готовые трактора, а создавать новые. Слышал, небось, про Сталинградский тракторный завод?
- Слышал. Я газеты читаю и радио Коминтерна слушаю.
- Давид, скажи: тебе чего хочется?
- Чтобы на марш-бросок не послали. Устал я за месяц по степи бегать как суслик. Хочется поспать — долго-долго, целый день.
- Эти марш-броски и мне надоели, но... «тяжело в учении — легко в бою», «больше пота в учении, меньше крови в бою». Был бы ты здесь зимой! Нас чуть не каждую ночь по тревоге поднимали! А знаешь, что такое в мёрзлой земле оружейные позиции долбить?
- Слышал. Их и летом в немерзлой земле не легко копать. А что, Александр, как ты думаешь, будет война?
- С кем?
- С Германией, конечно.
- У нас с немцами договор о ненападении.
- Ну и что?
- Да ничего...

— Есть хочется. Соскучился я по нашим галушкам, по креплям, по нудельзуппе. Я, если галушек не поем, так будто и вовсе не ел — совсем голодный.

— Ничего, привыкнешь.

Майер посмотрел на часы:

— Обед ещё не скоро. Терпи. Пойдём в часть.

Через два часа Сашка Майер вёл отделение в столовую.

Навстречу шёл сухощавый подтянутый чёрноусый военный. Из-под козырька офицерской фуражки внимательно смотрели тёмные блестящие глаза. Гимнастёрка была перетянута наискось ремнём портупей, а в петлицах рубиново блестели три ромба комкора.

— Отделение, смирно! — скомандовал Майер, печатая шаг, подошёл к военному и доложил: — Товарищ комкор! Отделение следует на обед!

— Что будет на обед? — весело спросил комкор.

— Не знаю, что будет на обед, но знаю, что будет вкусно! — задорно чеканя слова, ответил Сашка.

— Молодец! Следуйте дальше на обед!

— Отделение, шагом марш!

— Кто это? — спросил Костя Власов, шедший рядом с Майером.

— Командир нашего корпуса.

— Видно, хороший человек, — сказал Власов.

У столовой отделение уже ждал вернувшийся с комдивом из штаба Широков.

— К нам комкор приехал, — сообщил сержант.

— Мы его только что встретили, — ответил Майер.

— То ли что-то случилось, то ли чего-то ждут. Выступать будет. Его фамилия Петровский. Комдив мне сказал, что его отец был первым наркомом внутренних дел, соратником Ленина.

— Ух ты! А сын его с нами так... Запросто! Спросил, что будет на обед. Я сказал: «Что будет — не знаю, но знаю, что будет вкусно».

После обеда труба сыграла общее построение. Полк построился на плацу.

— Товарищи, — сказал командир полка, — перед нами сейчас выступит командир нашего корпуса, товарищ Петровский Леонид Григорьевич.

— Товарищи! — сказал Сашкин знакомый. — Международная обстановка становится всё напряжённей. По Европе расползается война. Она совсем близко подобралась к нашим границам. На Дальнем Востоке нам угрожает Япония. С каждым часом можно ждать внезапных изменений на театрах военных действий. Это требует от нас, во-первых, постоянной бдительности, а, во-вторых, готовности к быстрым действиям. Возможно, в ближайшее время потребуются наша передислокация. Нам следует быть к этому готовыми, не впадать в панику, а точно, спокойно и уверенно выполнять поставленные командованием задачи. Час назад командир отделения, следовавшего в столовую, на мой вопрос «что будет на обед?» ответил: «Не знаю, что будет на обед, но знаю, что будет вкусно!» Уверен, что он сказал бы: «Не знаю, какой поступит приказ, но знаю, что мы его выполним с честью!» Вот так и держать!

Ночью опять протрубили тревогу, и артиллерийский полк ушёл из лагеря в степь на учения.

Война началась

В воскресенье двадцать второго июня красноармейцы отдыхали. На импровизированном стадионе намечался спортивный праздник. Сначала должны были соревноваться легкоатлеты, потом гиревики и штангисты, а на десерт, во второй половине дня, футбольный матч между командой артиллерийского полка и автомобильного батальона. Высокий рыжий Губер в команде артиллеристов играл защитником, а Майер нападающим.

Настроение было прекрасное. Накануне Сашка получил письмо от Алисы.

«Дорогой мой Александр! — писала она. — Сегодня получила от тебя долгожданное письмо. Уложила спать нашего малыша и пишу тебе ответ. Он уже большой. Пытается встать на ножки. Делает это так забавно, что мы смеёмся и радуемся, глядя на него. Когда ты придёшь домой, он уже будет ходить и, наверное, что-то лепетать. Я сейчас в отпуске до августа, то есть, до начала августовских педагогических совещаний. В Павловке, в колхозе имени Калинина, весенние работы закончены, вот-вот начнётся сенокос. Родители уедут в степь на бригадный стан. Я останусь с маленьким Сашенькой одна. Забыла тебе написать, что в прошлом году мой двоюродный брат Андрей Юстус окончил музыкальный техникум. Он хотел учиться дальше, поступил в Саратовскую консерваторию на дирижёрский факультет, но его тоже призвали в Красную Армию. Профессор Никитанов очень сожалел, но Андрею сказали, что он может начать учёбу сразу после службы, место в консерватории за ним сохранится. Андрей пишет, что служит в Туле. Командиры в их части хорошие, недавно командир дивизиона капитан Шпаков взял его себе в ординарцы. Саша, посылаю тебе немного денег. Сфотографируйся и пришли мне фотографию в военной форме. Ты, несомненно, очень красив в ней. Я буду ждать с нетерпением».

В письме лежало двадцать пять рублей, и Майер обдумывал, как бы ему смотаться в город и сделать фотографию. Весёлые мысли кружились в его голове. Он повторял про себя каждую фразу письма, и все они вызывали в нём радостный отклик. Через полгода он вернётся домой, они с Алисой, наконец, поженятся и будут жить долго и счастливо. Впрочем, он и сейчас уже счастлив. Об этом он тут же подробно написал ей в ответном письме и слегка пожурил за деньги, ведь он ежемесячно получает на карманные расходы десять рублей.

И день был необыкновенным. Из степи налетал лёгкий ветер, тёплый, но не жаркий и не душный, напоённый запахами чабреца, земляники и ещё каких-то трав, не известных ему по запахам.

Вокруг степного стадиона собралось много народа, наехавшего и из соседних сёл, и из самого города Пугачёва. И все казались Майеру такими же счастливыми, как и он. Люди были празднично одеты, улыбались и радовались друг другу.

Сашка подошёл к капитану Андрюшину:

— Товарищ капитан, разрешите обратиться!

И капитан улыбнулся ему как близкому человеку и сказал:

— Обращайся, обращайся товарищ ефрейтор!

— Товарищ капитан! Вы поедете завтра в город?

— Есть такие мечты.

— Возьмите меня с собой.

— Что же тебе там надо?

— Жена просит прислать мою фотографию.

— А вот представь себе, и моя жена просит то же самое! Так что вместе поедem и сфотографируемся.

— Спасибо, товарищ капитан.

— Да не за что? Ты ведь сегодня играешь?

— Играю.

— Забей им пару голов!

— Постараюсь, товарищ капитан.

Вот встали на старте бегуны. Дана команда:

— Внимание!

И вдруг вместо стартового выстрела пронзительный сигнал трубы: боевая тревога! Забегали офицеры: Слушайте все! Общее построение!

Что это?! Что случилось?!

— Стройся!

Сбегались и строились красноармейцы — прямо на футбольном поле! Вышел комиссар полка:

— Товарищи! Только что по радио передано важное правительственное заявление... — пауза, но у Сашки уже бегали мурашки по спине, он всё понял. — Сегодня в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий, без объявления войны германские вооружённые силы напали на нашу страну и атаковали наши границы во многих местах.

— Ну что, Александр, вот и поженились мы с тобой! — сказал Губер.

— Поженимся после войны!

— Доживём ли до после войны?

На следующий день стали собираться: сворачивали палатки, грузили на автомобили и подводы разное имущество, ковали лошадей, проверяли орудия. Через день выступили к Пугачёву.

Поступил приказ о передислокации их сто сорок восьмой стрелковой дивизии в район боевых действий. На железнодорожной станции артиллерийский полк, в котором служил Майер, грузился в эшелоны. Красноармейцы устанавливали на платформы орудия, накрывали их брезентом, загоняли в вагоны лошадей. Ранним утром тридцатого июня отправились навстречу войне.

Но Сашка с капитаном Андрюшиным всё же побывал в фотографической мастерской, и по почте отправил Алисе фотографию вместе с поспешно написанным письмом.

«Пугачёв. 27 июня 1941 г.

Милая Алиса. Есть возможность написать тебе несколько слов. Завтра мы уезжаем. Куда — я тебе сказать не могу. Посылаю тебе две фотокарточки на вечную память. Береги себя и нашего малыша. Привет всем, кто обо мне спросит».

Навстречу войне

Вечером Майер и Костя Власов стояли у открытой двери вагона. Мимо проплывал всё ещё мирный пейзаж: в стелящихся лучах заходящего солнца будки с вытянувшимися перед ними путевыми обходчиками, полустанки, сёла вдаль, голые до пояса колхозники на конных косилках, замахивающиеся кнутом на лошадок с натужно выгнутыми шеями, редко между ними встречался колёсный трактор — всё знакомое и милое Сашке, малые кирпичики, из которых он был сложен сам. И надо всем — блёкло-голубое небо с застывшими на распростёртых крыльях степными орлами.

— Как ты? — спросил Майера Власов.

— Да ничего. Просто как-то необычно, тревожно. Не верится, что я еду на войну.

— И мне тревожно. Не боюсь, но нервы натянуты. На душе тяжело. Ехал бы, ехал вот так, пока война не кончится.

— А может и кончится, пока доедем.

— Нет, не кончится. Я чувствую. Достанется и нам. Но я так отношусь: что всем, то и мне. Надо будет драться — буду драться, надо будет умереть — умру. А ты как?

— И я так же, хотя умирать не хочу.

— Сашка, скажи: вот ты немец, не трудно тебе будет своих убивать?

— Какие они мне свои?! Мои немцы уже двести лет в России. Да и не немец я, а советский гражданин по национальности немец. Чувствуешь разницу? А ты зачем спрашиваешь?

— Да так...

— Не доверишь? Боишься перебегу?

— Ну зачем ты так? Я тебе верю. Слушай, Саш...

— Что?

— Тебе верю, а Крейнеру нет. Станный он. Всё молчит, молчит. А недавно я его говорил: «Мать у меня, — говорю, — передовая колхозница, больше трёх тысяч литров от каждой коровы доит. Ей Калинин в Москве орден Трудового Красного Знамени вручил». А он: «У нас в колхозе тоже орденоска имеется. Как начнёт чесать языком, не остановишь. Однажды полчаса болтала на собрании. Её уже председатель потихоньку за задницу щиплет: «Хватит, Христина, кончай!» А она: «Кончаю свою речь так: «Да здравствует товарищ Сталин и...», — посмотрела на портреты членов Политбюро, — и все, кто здесь на стене висит!» Как думаешь, он враг?

— С чего ты взял?!

— Как с чего? Ведь он, сволочь, надсмехался.

— Да брось ты! Ну и что, что рассказал про глупую бабу? Из этого делать выводы, что он станет предателем?

— Да нет, не только из-за этого. Он мне ещё весной до войны рассказывал, что его старший брат мечтал стать офицером, и в тридцать девятом году поехал поступать в Киевское танковое училище. Сдал документы, заполнил анкету. Через день его вызвали в приёмную комиссию. На столе документы. Он успел заметить, что в анкете всё подчёркнуто синим карандашом, а национальность красным. Сказали: «У вас, товарищ Крейнер, обнаружено затемнение на лёгких. Очень жаль, но мы не можем вас принять». И посоветовали лечиться. Брат его не уговорился, и подал документы в Тифлисское горно-артиллерийское училище. Он, Крейнер, так и сказал — не в Тбилисское, а по-старому, в Тифлисское. И там брату дали тот же ответ: не подходите из-за затемнения на лёгких. Я Крейнеру говорю: «Так может и правда, у него с лёгкими не в порядке, раз две комиссии одно и то же обнаружили?» А он посмотрел на меня как на дурачка и говорит: «Да нет, у него не на лёгких, а на строке „национальность“»

затемнение! И не у него одного, а у всех нас». Я у него спросил: «У кого, у нас?» А он ответил: «У немцев». Понял?

— Что?

— Что на Советскую власть он обижен. Дискриминацию по национальному признаку ей шьёт.

— Не думаю. Впрочем, война покажет, кто есть кто, и кто на кого обижен.

— Поздно будет.

В тамбур вышел Губер. На красном лице улыбка Иванушки-дурачка.

— Чему радуешься, Давид? — спросил Власов.

— Погода хороший, поезд едет, я живой.

— Сегодня живой, завтра нет, — мрачно сказал Власов.

— Типун тебе на язык, Костя! — сказал Майер.

— Давай, будем лучше покурить, — предложил Губер.

— Давай покурим. У тебя какие?

— Я имел получить табак из дома в посылка.

— Ну давай покурим табак из дома. Бумажка на самокрутку имеется?

— Иметься. В посылка была. Вот «Роте фане».

— Что такое «Роте фане»?

— «Красное знамя», — сказал Майер.

— Понятно. Э! А Калинина-то зачем рвёшь! Калинина на самокрутку?!

— Я не имел заметить Калинин на другая сторона. А где я рвал, ничего нет. В эта газета ещё мир: про сенокос имели писать.

— Да... Что-то будет на следующий сенокос?! Как думаешь, Сашка?

— Что думать?! Победа будет. Наши им уже дали.

— Ты откуда знаешь?!

— По радио ведь сказали: «Во второй половине дня противник встретился с полевыми частями Красной Армии и был отбит на всех направлениях». А это было неделю назад. Наверное, уже отбросили за границу.

— Хорошо бы. Но я слышал, что он прёт, — возразил Власов.

— Я смотреть, у командир нехорошее лицо. Если бы мы имели их бить, лицо бы был весёлый.

— Возможно где-то он прёт, где-то мы его бьём, — сказал Майер. — Граница большая, всю не перекроишь. Но Молотов сказал: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

— Пойдёмте, в карты что ли поиграем, — сказал Власов. — На войне вряд ли будет время.

Играли до полуночи.

Когда село солнце встали на довольно большой станции и около получаса стояли на запасных путях. Вышли подышать ночной прохладой.

— Що стоим, товариш сержант? — спросил ездовой Гуцелюк подошедшего Широкова. — Що комдив говорить?

— Так он мне и доложил!

— А ты куда-то торопишься? — сказал Крейнер. — По мне, чем медленней едем, тем дольше живём.

— Трусишь? — спросил Власов.

— Ты же сам говорил, что хорошо бы ехать, ехать, пока война не кончится, — сказал Крейнер.

— Говорил, но думал не то, что ты.

— Откуда ты знаешь, что я думаю?

— Я тебя насквозь вижу.

— Товарищ лейтенант, — обратился Крейнер к комбату Осянину, — прикажите этому дураку не цепляться ко мне по национальному признаку.

— Товарищи красноармейцы! Прекратите ссориться! Мне в батарее вражда не нужна.

По главному пути прошёл состав с ярко освещёнными окнами.

— Ребята, давайте по вагонам! — сказал Осянин. — Сейчас поедem.

— Какой-то штаб проехал, — предположил Крейнер.

Через несколько минут, действительно тронулись дальше.

Сашка лёг и тут же заснул. Проснулся он в темноте. В вагоне было душно, несмотря на поднятые окна. Но солдаты, утомлённые суетой и волнением погрузки, монотонным движением и качкой вагона, спали крепко. Убаюкивающе стучали колёса. Майер обрадовался, что за окном ночь, до рассвета далеко и можно ещё поспать.

— А я ведь чувствую так же, как Крейнер, — подумал он. — Разве не естественно бояться войны? Значит ли это, что я трус? Но ведь я еду. Еду на войну А что, если бы мне сказали, что я могу сойти с этого поезда и вернуться домой?

И Сашка почувствовал, что, если бы у него появилась такая возможность, ему пришлось бы перешагнуть внутри себя через что-то важное, что составляет саму его сущность.

— Нельзя, — подумал он, — иначе я перестану быть самим собой. Наверное, будет какая-то жизнь, но это будет чужая, не моя жизнь. Не надо об этом думать — будь, что будет!

И он заснул спокойно и глубоко. А утром с удовольствием осознал, что они не доехали ещё до Воронежа, и жизни у него впереди ещё много.

Воронеж проехали только во второй половине дня.

В ночь на второе июля Майера разбудил Губер, положив ему на плечо шершавую, величиной со сковородку, ладонь.

— Чего тебе? — вскинулся Сашка.

— Слышишь?

— Что?

— Удары.

Майер прислушался.

За окном стояла чернота ночи, на час-другой сменившая бледные летние сумерки. Действительно вдали что-то глухо гроыхнуло.

— Гроза. Спи! — сказал Сашка.

— Нет, не гроза, — возразил Давид по-немецки. — Сверкало что-то! Будто огонь.

— Зарницы сверкают. Давай спать!

Прошло минут пять, всё было тихо. Губер успокоился и лёг на место, Майер повернулся на другой бок и заснул.

Он проснулся, когда слепящее, неправильно взошедшее на северо-востоке летнее солнце, било в окна вагона, в котором начиналась какая-то суматоха. Красноармейцы вскакивали, поспешно натягивали снятые на ночь гимнастёрки, засовывали ноги в сапоги, кидались к окнам вагона.

Сашка тоже вскочил и прильнул к окну. Под откосом соседнего пути он увидел лежавшие на боку вагоны, искорёженные платформы, разбросанные брёвна, какие-то плиты, трубы...

Поезд медленно прополз мимо оставшегося на рельсах паровоза с разорванным тендером, сплюсненной будкой машиниста и продырявленным котлом, тут же лежали кучи высыпавшегося угля. Вокруг орудовали лопатами железнодорожные рабочие, вдали стояли грузовые автомобили, к упавшим вагонам подбирался хиленький подъёмный кран.

— Что это?! — потрясённо спросил кто-то.

И ответом ему была изумлённое молчание.

За разбомбленным эшелоном началась станция, к которой несчастный состав так и не дополз. Она тоже была разбита, и прямо перед глазами красноармейцев дымились развалины вокзала, складов, пробитая водонапорная башня с вытекающей из неё водой; в образовавшейся луже плескалось ослепительное солнце.

— Я же тебе говорил, — сказал Сашке Губер.

— Это не то. Немцы ночью не бомбят. Во всяком случае, в эшелон бы не попали. Ночью действительно была гроза.

— Нет, не гроза! — настаивал на своём Губер.

В полдень проехали Брянск. Сашку укачало, и он заснул. Ему снилась широкая Волга, меловой берег под Маркштадтом, Алиса в синем купальнике. Она что-то рассказывала ему, он не мог разобрать слов, но чувствовал их необыкновенные аромат и сладость. Наконец он понял их смысл: Алиса говорила о их сыне. И Сашка почувствовал такую радость, такое яркое счастье, каких никогда не знал.

Вдруг незнакомый скрежет вторгся в его мозг. Он вскочил и тут же был сбит с ног резким толчком. Рядом валились друг на друга красноармейцы. Снаружи донёсся сверлящий вой, и чёрный фонтан взметнулся против окна, закрыв солнце. По стенам глухо застучали комья земли и с треском осколки, зазвенели выбитые стёкла.

Поезд остановился. Сашка вскочил и вслед за солдатами бросился к выходу. Из вагонов, как пшено из продырявленного мешка, высыпались красноармейцы и бежали вниз по насыпи, падали, катились кувыркком. Впереди поднимался к солнцу тёмный силуэт самолёта. С противоположной стороны эшелона разворачивался и заходил на бомбёжку второй «Юнкерс». Почти над самыми крышами вагонов он просел и тут же взмыл вверх, над головами бегущих. Сашка на миг увидел жёлтый, похожий на цыплячий клюв, нос, зелёное брюхо и чёрные кресты на крыльях. Тут же раздался треск, полетели по воздуху обломки вагона, дико заржали раненые лошади. Ещё две лошади, сорвавшиеся с привязи и выкинутые из разбитого вагона, мчались за красноармейцами. Осянин, выхватив пистолет, стрелял вслед «Юнкерсу».

— В лесопосадку! В лесопосадку, ребята!

Сашка изо всех сил бежал за ним, рядом долговязый Губер, чуть отстав, низкорослый Власов. Развернувшийся «Юнкерс» заходил навстречу из-за лесополосы, строча из пулемёта. Под ногами что-то незнакомо застучало, из земли выпрыгивали фонтанчики почвы вместе с травой, полетели сбитые с деревьев ветки, отколотые щепки.

Майер рухнул у ствола старого тополя, самолёт пронёсся над ними, и за спиной забарабанило по вагонам. Подбежал Власов, сел рядом:

— Кажется задело, — сказал он, морщась и снимая сапог.

Задрал штанину. На белой портянке краснело пятно.

— Майер, перевяжи! — приказал Осянин.

— Чем?

— Возьми мой!

Комбат вынул из кармана гимнастёрки и бросил ему свой перевязочный пакет.

— Не надо! — сказал Власов. — Пустяки, царапина. Портянкой завяжу.

— Не дёргайся, давай сюда ногу, — сказал Майер и перевязал Косте щиколотку.

Рана действительно была пустяковая. Власов даже пошутил:

— Сапог продырявил, сволочь! Как сказал мой дед-плотник, отрубив себе топором палец: «Чёрт с ним, с пальцем, сапога жалко!»

— Когда ж у них горючее кончится! — тоскливо сказал Сашка, прячась за ствол берёзы и глядя, как возвращаются самолёты.

— Когда ж у них боекомплект закончится! — поправил комбат.

Что-то, наверное, и правда закончилось. Оба самолёта развернулись над эшелоном и улетели вдоль него на запад, издевательски помахав на прощанье крыльями.

Бойцы возвращались к вагонам. Два человека было убито и трое ранены.

Бомба, попавшая в вагон с артиллерийскими лошадьми, убила и покалечила почти всех. Пол был залит их тёмной кровью, которая всё ещё стекала и капала на землю, образовав кровавую лужу. Стоял тяжёлый запах крови и горячих внутренностей.

Губер и ездовой Гуцелюк, скользя по лошадиным останкам, отвязали и перегнали в другой лошадиный вагон двух или трёх тяжеловозов, чудом уцелевших после взрыва бомбы.

Ловить убежавших лошадей было некогда да и бесполезно — их уже и след простыл. Повреждённые пути были исправлены, и поезд двинулся дальше на запад всё ближе и ближе к войне.

Через четверть часа прибыли на станцию и поняли, почему «Юнкерсы» не стали добивать раненый поезд: они израсходовали свои бомбы здесь. Станция была разбита, на путях стояли, лежали, горели искорёженные вагоны.

Красноармейцы вместе с железнодорожниками до темна расчищали и ремонтировали дорогу. Путь продолжили уже ночью.

Утром остановились на какой-то станции. На соседнем пути стоял санитарный поезд: на окнах пассажирских вагонов крахмально белели занавески, на зелёных стенках в белых кругах рдели красные кресты. Это был не первый встреченный ими санитарный поезд, но те, что встречались им вчера, промелькнули перед окнами как видения, а этот был реальный, никуда не собирался исчезать, и перед ним стояли, ходили, курили живые раненые.

Один был в исподней рубашке и бережно держал перед собой руку в лубке, другой, поджав одну ногу в гипсе, прыгал на костылях, у третьего было забинтовано полголовы, и он смотрел на белый свет лишь одним глазом.

Артиллеристы, увидев первых людей с войны, гонимые любопытством, выскакивали из вагонов.

— Вы откуда, ребята? — спросил комбат Осянин.

— С Березины, — ответил тот, что на костылях. — Из-под Борисова.

— С Березины? Так значит... Как же Минск? — ошарашено спросил комбат.

— А то и значит, что вы подумали, товарищ старший лейтенант. Силён немец. Танков пропасть, а пехота и не пехота — редко кто пеший, больше на мотоциклах. Один ведёт, другой рядом в коляске из пулемёта строчит. А вы, значит, туда?

Раненый повис на костылях и закурил. Ему было лет тридцать. Он был высок, худ, небрит, на голове залысины.

— Три дня назад ранило, — продолжал он, затянувшись и выпустив облако дыма. — Вчера привезли в Могилёв, ночью погрузили в санитарный поезд. Вот первая остановка. Мне ещё повезло. Здесь в поезде такие едут, что не дай бог. Кто без ноги, кто без обеих, а кто в живот или грудь — это совсем беда! Вот только что перед вами вынесли капитана — под утро скончался.

— Только не пугайтесь, братишки! Помните главное: немец смертный, — сказал раненый в руку. — Я тоже сначала боялся. Немец мне чуть не Кощеем Бессмертным чудился. Внутри дрожь, пока ждал атаки. И вот попёрли — в касках, с автоматами наперевес, сытые, толстомордые. Я глаза зажмурил и очередь по ним из пулемёта. Думал, пули от них будут отскакивать. Открыл глаза, а они валятся рядами, как трава под косой. «Э! — думаю. — Да вы, черти, такой же тонкой шкуркой обшиты, что и я!» И, как к бабушке сходил! На душе стало спокойно и весело. Можно немца убивать — а куда он против пули! Много мы их положили в тот день, мало кто выбрался с поля. Потом опять попёрли. До окопов добрались. А мы им навстречу в рукопашную. Как они рванули от нас, аж пятки засверкали! Видел я их испуганные морды. Немец не только смертен, он боится смерти не меньше нашего, даже больше. Ему ведь тоже хочется вернуться к жене и детям. Только его семья далеко и ничто ей не угрожает, а моя здесь, рядом. Я её защищаю, поэтому я отчаянней, а значит сильнее.

— А как же он прёт, если трусит? — спросил Майер.

— Просто их больше и техники навалом. Они давно воюют, их силы в кулаке, а наши рассеяны. Мы не ждали. Под Борисовом нас, ребят из танкового училища, было несколько сотен, да мужики из железнодорожной охраны. И то мы их держали, никто не сбежал. И я бы там остался, да не повезло мне немного, братишки, осколок в руку попал. Да так неудачно — кость задел. Кабы кость цела, разве бы я ушёл?!

— Нам бы хоть немного самолётов! — сказал подошедший одноглазый. — Их авиация обнаглела, бомбит безнаказанно.

— Всё будет, товарищ лейтенант. Вон какие ребята нам на помощь идут. С пушками! Будут и самолёты, и хорошие танки, не то что наши учебные БТ-эшки! Слышали про Т-34? Ещё увидите! Их танки против них — ерунда!

Из вагона вышла молоденькая сестра в белом халате и косынке:

— Товарищи, заходите, сейчас отправляемся.

Раненый в ногу передал один костыль сестре, одноглазый посадил его на нижнюю ступеньку, и тот, опираясь одной рукой на костыль и держась другой рукой за поручень, поднялся в тамбур, за ним зашли в вагон медсестра и одноглазый.

Раненый в руку поднялся последним и, стоя в дверном проёме, закричал:

— Удачи вам, братишки! Держитесь!

— Как зовут тебя, друг?! — крикнул Майер.

— Васька! Васька Смирнов!

— До встречи, Василий!

— Я скоро вернусь! Рука срastётся и вернусь! Мы ещё с вами до Берлина дойдём, и Гитлера поймаем! Привезём и поставим на колени перед всем нашим народом! И помните: немцы смертные!

Поезд тронулся.

— Счастливого пути, товарищи! — кричали артиллеристы.

— До встречи, братишки!

— Будьте живы, мальчики! — махала косынкой сестра.

— Будем, будем, сестрёнка!

Поехали дальше. Июльское солнце равнодушно обжигало землю. За окнами эшелона, то приближаясь, то отступая от железной дороги, проносились леса, перелески, а когда они расступались, до самого горизонта открывались тоскливые дали с пыльными дорогами, по которым двигались женщины, дети, старики: на подводах, пешком, очень редко в кузовах автомобилей. Это были убежавшие от войны мирные жители.

Первые бои

Четвёртого июля артиллерийский полк прибыл на станцию Чаусы и стал выгружаться.

— Быстрее, быстрее, ребята! — торопил командир дивизиона Андриюшин. — Немцы подходят к Могилёву!

Скатывали с платформ — семидесяти шести и ста двадцати двухмиллиметровые орудия, выводили коней из скотных вагонов, запрягали в пушки и подводы, на которые грузили пулемёты, винтовки, патроны и прочее воинское имущество. Комдив уже гарцевал на любимом Алиме.

Двинулись на запад к Могилёву. Говорили, что немцы высадили парашютный десант, поэтому шли, как положено в военное время, с боевым охранением.

На душе у Сашки было горько, и, наверное, не у него одного. Как же так? Ведь мы пели «Красная Армия всех сильней» и свято в это верили! Рядом шёл Костя Власов. Его пустяковая рана всё-таки нагноилась, и он заметно хромал.

— Сашка, ты боишься?

— Боюсь. Что убьют боюсь, что не удержимся, тоже боюсь.

— Знаешь, ведь и я тоже. А ещё обидно, что нас бьют. Тебя раньше били? В школе, например?

— Нет.

— А меня в тринадцать лет шпана месила на улице. Их трое, я один, и они старше. Так мне стало обидно, что я вместо того, чтобы бежать, бросился на них со звериной яростью. У меня нос разбит, кровь по бороде льётся, а я схватил первый попавшийся кирпич и по башке ихнего главаря. Так они от меня побежали! Представляешь — шибздик, метр с кепкой ростом, с кирпичом в руке, гонится за тремя амбалами, которые орут от страха и в ужасе на него оборачиваются. У меня сейчас такое же чувство! Попадутся мне немцы, буду зубами рвать их, как тех гадов!

— Я где-то читал, что в сражении побеждает тот, кто меньше себя жалеет.

— Вот это правда! Хотя ты и немец, а понимаешь текущий момент, как русский.

— Костя, ты мне хоть и друг, но всё же дурак! Сколько раз тебе говорить, что я советский! Мой отец, между прочим, служил в Первой Конной армии Будёного. Я поволжский немец, а поволжские немцы — советские люди! Я советский гражданин по национальности немец!

— Так и я о том же, дурья голова! Я русский, и я же советский. А из математики следует, что если A равно C , и B равно C , то и A равно B ! То есть, советский немец и советский русский равны друг другу!

— Согласен. Только тогда не говори «хоть ты и немец».

— Не буду, чёрт с тобой! Знаешь, мы может сегодня ещё в бой вступим, щадить себя не будем. Давай обменяемся адресами на случай, если одного из нас убьют, а другой останется жив.

— Записать не на чём и нечем.

— А ты скажи, и я запомню.

Майер сказал адрес Алисы.

— Запомнил. Теперь запомни мой.

Но ни Власов, ни Майер не знали, что запоминали они напрасно, что судьба их сложится так, что никто из них никому ничего передать не сможет.

Шли весь остаток дня и ночь. Как только стемнело, запретили громко разговаривать, курить, зажигать спички. На западе небо было красным и пахло гарью.

В три часа ночи остановились в большом лесу. Осянин сказал, что в двух километрах от них течёт Днепр, и их батарее приказано занять позиции на опушке этого леса. Красноармейцы

валились с ног, и была дана команда отдыхать. Майер свалился у ствола берёзы и, подложив под голову вещмешок, мгновенно уснул.

Проснулись от того, что за Днестром будто что-то звонко лопнуло. Так лопался ранней весной лёд на Волге. Небо в просветах зелёной листвы было ярко синим, над землёй поднималось весёлое солнце. Под ногами блестела и переливалась от росы трава. Но утренняя свежесть пахла едкой гарью, а на западе поднимались клубы чёрного дыма. Вслед за первым хлопком тут же раздался второй, и ещё несколько одиночных, которые слились вскоре в сплошной гул и грохот.

Артиллеристы позавтракали сухпайком и поспешно принялись копать позиции для орудий, окопы и ходы сообщений; рубили в лесу ветки и маскировали ими орудия. Майера с телефонной катушкой на спине послали устанавливать связь батареи с командным пунктом дивизиона.

Справа в небе кружила немецкая «рама».

В конце дня на той стороне Днестра, не приближаясь к берегу, появились танки и пехота на мотоциклах. Вечером комдив Андришин по проложенному Сашкой проводу приказал Осянину занять позицию в пяти километрах южнее, где немцы, переправившись на наш берег, принялись наводить понтонную переправу для форсирования Днестра танками.

Наше командование послало туда батальон пехоты, которому удалось выбить гитлеровцев за реку. Но они успели навести мост, и уничтожить его нашей пехоте было невозможно. Плотный пулемётный и артиллерийский огонь не давал даже приблизиться к переправе. Получив приказ во что бы то ни стало уничтожить вражескую переправу, уже в темноте батареи семидесяти шестимиллиметровых пушек лейтенантов Осянина и Барсукова поспешно снялись с занятых утром позиций и отправились на юг.

Фашисты выбрали для переправы безлесное место, на котором советский берег просматривался на большую глубину и спрятать пушки было непросто. Но километрах в шести от береговой линии лежало покинутое жителями село, в котором по всей видимости был богатый совхоз. Пушки разместили в палисадниках домов, лошадей загнали в пустующие коровники. Осянин послал Майера и Власова в окопы пехотинцев корректировать огонь.

— Ну что, товарищи артиллеристы? — сказал встретивший их командир батальона, когда устроились в его блиндаже. — Как сказал товарищ Гоголь, задаст нам немец завтра пфейферу. По законам гостеприимства должен покормить вас перед боем. Вот хлеб, консервы. Кто знает, даст ли нам супостат потрапезничать завтра.

— Говорят, вы им вчера здорово всыпали.

— Я бы так не сказал. Мы атаковали внезапно. Они перед мостом рыли окопы силой не больше роты, а тут мы со стороны совхоза и нас было больше. Они поставили артиллерийский заслон и убежали. Я так понимаю, пехоты у них не хватает — отстала от танков. Сейчас задача не дать им перебраться на эту сторону — раздолбать этот чёртов мост. Как видите, надежда только на вас.

— Авиацией было бы проще, — сказал Майер.

— А где она авиация? Много вы её видели?

— Мы вчера только прибыли.

— Не обстреляны, значит. Главное, не бойтесь. Будут бомбить, артиллерий бить — это не значит, что убьют. Я на финской был, пуль и снарядов мимо меня пролетело, как мух летом, а, как видите, живой.

— Мы не обстреляны, — сказал Власов, но под бомбёжкой успели побывать.

— Ну бывайте, спите, если сможете. Крепко спите, не бойтесь проспать: враг вас разбудит. А я пойду по своим делам.

Майер и Власов легли на земляные выступы в стене блиндажа, служившие кроватями, и быстро заснули.

Они проснулись от знакомого сверлящего воя. Желтоклювые «Юнкерсы» падали с утреннего, ещё не проснувшегося неба на окопы. Нет! Не на окопы, а прямо на них! Майер и Власов, столкнувшись головами, бросились на дно окопа.

Тут же над их головами рванулся ввысь куст взрыва, раскинув в стороны чёрные земляные ветки, которые распавшись, посыпались им на головы. Не успел Сашка обрадоваться, что они живы, как уже следующий строй проваливался в пике. Земля подпрыгнула под ними и толкнула в грудь. Где-то в окопе закричал раненый.

Потом был третий, четвёртый, пятый заход... Время остановилось. Майер не мог сказать, как долго длилась бомбёжка.

В окоп, словно с неба, спрыгнул комбат.

— Вставайте, вставайте, ребята, некогда валяться! Связь, немедленно связь с батареей! Танки пошли!

Комбат, которого вчера они толком не рассмотрели в темноте, оказался обгоревшим на солнце, очень худым человеком лет сорока пяти, с впалыми щеками, и горящими от возбуждения молодыми глазами, хотя волосы у него были совершенно седыми. Его подбородок был пересечён шрамом, говорившим, что всё же не все осколки пролетели мимо него. На петлицах у него были две шпалы майора.

Сашка бросился к аппарату:

— Бизон, бизон! — завопил он, — я «Тополь»! Как слышите?!

— «Тополь»? Хорошо тебя слышу, — услышал он спокойный голос Осянина. — Пошли?

— Так точно! Колонна танков спускается к переправе! Сколько? — Майер выглянул из окопа. — Вижу пять, но ещё не все вылезли на откос. Координаты? — Сашка назвал координаты.

— Дай сюда трубку! — потребовал майор. — Артиллерия! Видишь «Юнкерсы»? Подожди открывать огонь! Пусть улетят. Огонь только по моей команде!

Первый танк въехал на понтон и осторожно пополз по нему. Навстречу уходили домой довольные «Юнкерсы», помахииванием крыльями сообщая танкистам: «Путь свободен»!

— «Бизон»! Огонь! — скомандовал майор.

Снаряды упали слева от переправы.

— «Бизон»! Двадцать метров правее! Огонь!

Столбы воды взметнулись совсем близко от понтонов.

На мосту было не меньше десяти танков и первый подбирался уже к середине Днепра! А по днепровской круче спускались всё новые и новые танки.

— Товарищ майор! — отчаянно закричал Власов. — Пропустим!

Передний танк выстрелил из пушки. Снаряд взорвался перед окопами.

— Артиллерия! Ещё десять метров левее! Огонь!

На этот раз наши снаряды кучно накрыли мост. Одно звено оторвалось, отъехало в сторону, накренилось и медленно, словно нехотя, перевернулось. Стоявший на нём танк свалился в Днепр. Уже стоявшие на мосту танки остановились.

— Отлично, «Бизон»! Мост повреждён, переправа сорвана. Один танк уничтожен! Возьми выше и бей так! Громи всю колонну! Передаю трубку твоему корректировщику. А вы молодцы, ребята, — сказал он, отдавая трубку Майеру.

— Это не я. Это вы.

— Первый залп пристрелочный. Двадцать метров ошибки для пристрелки — это приемлемо. Давай, так держать. А я пойду к людям. У меня трое убитых и пятеро ранено.

Танки задним ходом стали покидать мост.

Следующими залпами двух батарей были утоплены ещё два танка. Оторванные от моста понтоны сиротливо плыли вниз по течению. Немецкая переправа была полностью уничтожена.

Майер и Власов получили приказ возвращаться на батарею. Едва они выбежали на открытое место, начался мощный обстрел из-за Днепра. Противник понял, что бившая по нему советская артиллерия может скрываться только между совхозными домами.

Возвращаться назад было поздно, и артиллеристы побежали туда, куда летели вражеские снаряды. Один взорвался совсем рядом. Горячий упругий воздух ударил им в грудь и повалил на землю.

Власов быстро очухался и вскочил на ноги. Друг его лежал неподвижно, в нескольких метрах от него дымилась чёрная воронка.

— Сашка! Что с тобой?! Ты жив? — закричал Костя и принялся трясти его за плечи.

Сашка открыл глаза.

— Что?! Что ты говоришь? Я не слышу.

Из носа и ушей медленно текла кровь.

— Сашка! Ты ранен. Можешь встать?!

— Не слышу! — сказал Майер и встал на ноги.

— Бежать надо! Уже близко.

— Голова трещит, в ушах шумит. Ничего не слышу.

— Идти можешь? Давай помогу!

Власов обвил его руку вокруг своей шеи и побежал вперёд.

— Я сам! — сказал Сашка, освобождаясь из объятий друга.

На окраине совхоза за развороченным взрывом глинобитном домом лежало, уставившись в небо ствол, разбитое орудие. Его командир Рыжов сидел рядом, дрожащими руками пытаясь закурить папиросу. Рядом в разных позах лежали трое убитых красноармейцев. Санинструктор Иосиф Гольдштейн заканчивал перевязывать раненых.

Согнувшись и прячась за домами от взрывов, бежали к ним Широков и политрук Шведов:

— Товарищи, Осянин убит. Я назначен вместо него, — сказал политрук. — Раненых несите в центр к школе. Там ждёт машина.

— Майер, ты ранен? — спросил Широков. — Иди в санбат.

— Нет, я немного контужен, но могу воевать.

— Сашка, я сегодня понял, что ты мне настоящий друг, — сказал Власов.

— Почему это?

— Я подумал, что ты убит и по-настоящему испугался.

Гитлеровцы не прекращали попыток форсировать Днепр в этом месте, и вскоре сюда передислоцировался весь Сашкин полк.

Но через несколько дней значительно южнее, в районе Быхова, двадцать четвёртый моторизованный корпус немцев форсировал Днепр и стал развивать наступление на север. Навстречу ему рвался сорок шестой моторизованный корпус, переправившийся у Шклова севернее Могилёва.

Два батальона потрёпанной и разорванной хаотичными перемещениями сто сорок восьмой Энгельской стрелковой дивизии выдвинулись навстречу южной группировке гитлеровцев на помощь попавшей под удар сто восемьдесят седьмой дивизии. Сюда же в полном составе переместился артиллерийский полк, замаскировавший свои орудия в лесу севернее села Грудиновка. Он стал щитом наших войск, а Сашка и Костя Власов первыми из этого полка встретили наступающих немцев.

Командир первого дивизиона Андрушин отправил их вперёд с задачей занять позицию перед фронтом стрелкового батальона, оборонявшегося на южной окраине села, обнаружить подход противника и сообщить координаты для постановки артиллерийского заслона.

— Корректировать огонь как можно дольше, — провозжая их, сказал капитан.

Сашка бежал с катушкой телефонного провода, рядом Костя тащил вторую катушку. Для наблюдения выбрали старую церковь с высокой колокольней, на которой и устроились.

В четырёх километрах от Грудиновки начинался лес, рассечённый пополам широкой дорогой, ведущей к самому Могилёву. По этой дороге и ожидался подход немцев.

Сашка проверил связь с командным пунктом дивизиона. Связь действовала. Сашка назвал свои координаты, направление стрельбы и расстояние до выхода дороги из леса. Прошло два часа.

— Когда ж они пойдут, фрицы проклятые? — сказал Костя.

— Пойдут, куда денутся! Я думаю, им останавливаться нельзя. Остановятся — проиграют.

— Почему ты так думаешь?

— Не знаю. Чувствую. Они от границы сюда за десять дней дошли, а мы их тут уже пять дней держим. Начнётся война на измор. И они не выдержат, как не выдержали в первую мировую войну.

— Сашка! Внимание! Над лесом поднимается пыль! Кажется, попёрли!

— Они!

— Они, сволочи! Видно много их, смотри какую пылицу подняли!

Клубы пыли над зеленью леса приближались, разрастались, поднимались всё выше, загромождавая небесную синеву. И вот уже далёко-далёко, прорезался гул, лязг, скрежет.

— Слышишь? Сейчас появятся. Давай, передавай.

— Могилёв, Могилёв, я Днепр! Наблюдаю высокие клубы пыли над лесом. Слышу шум двигателей.

— Днепр, я понял тебя, — ответили с командного пункта.

— Сашка, передавай: на дороге из леса появились танки, — сказал Власов, глядя в бинокль.

Сашка тут же сообщил об этом на КП. Перед танками встали разрывы наших снарядов.

— Могилёв! Недолёт сто метров. Вижу не менее десяти танков, появляются новые.

Серые машины прибавили в скорости и, расплываясь из леса, как муравьи из муравейника, открыли огонь. Вслед за танками появились мотоциклисты. Следующие пристрелочные снаряды легли рядом.

— Могилёв, есть попадания! Открывайте беглый.

За спиной корректировщиков загрохотали наши орудия, и немцы оказались в лесу взрывов. Поразить танк на таком расстоянии было почти невозможно, а мотоциклистам досталось.

Власов со злорадной улыбкой наблюдал, как снаряды попадали в мотоциклы и разрывали их на части, как другие мотоциклы переворачивало ударными волнами, и сидевшие в них немцы летели вверх тормашками, оставались неподвижными или, раненые, пытались уползти, уковылять подальше от бушевавшей вокруг них смерти. Оставшиеся целыми соскакивали с мотоциклов и, низко пригнувшись, бежали к лесу.

Только немногие — самые смелые — кинувшись в траву, строчили из автоматов, или оставшись в коляске за пулемётом, не видя цели, били куда попало.

Танки остановились и стали отползать к лесу. Прорыва с ходу у немцев не получилось, но на помощь им подходили всё новые силы. Русский лес кишел от фашистской нечисти, которая, получив по морде, видимо, стала готовить обстоятельную, обдуманную, атаку на наши позиции. Наступила тишина.

Майер обо всем сообщил на командный пункт.

— Молодцы, сказал неизвестный им офицер. Мы сообщим о вас в донесении, возможно представим к награде.

Казалось, бой был короткий, а между тем солнце уже низко стояло за Днепром. Стало тревожно.

— Сашка, немцы вышли из леса, и их тут же накрыла наша артиллерия. Если бы ты был на их месте, что бы ты подумал?

— Подумал: «Где-то сидит русский корректировщик. Потом осмотрел в бинокль окрестности и сказал: «Он может сидеть только на колокольне вон той церкви. Лишь оттуда был виден, наш подход».

— И что?

— Будут по нам стрелять. Может даже из пушек.

— Как ты думаешь, мы выполнили задачу?

— Чёрт его знает. Приказа возвращаться всё равно не было.

— Может спросим?

Сашка пожал плечами.

Вдруг рядом с церковью взорвался снаряд. Стало слышно, как внизу осыпаются кирпичи.

— Могилёв, Могилёв! — закричал Сашка в телефонную трубку, — мы обнаружены, нас обстреливают.

— Днепр, возвращайтесь, — приказал Могилёв.

Майер и Власов, сворачивая телефонный провод, бросились вниз. И тут же в колокольню попал снаряд.

— В десяти секундах были от смерти! — радостно сказал Костя, когда они были уже далеко от церкви. — Бог сегодня был на нашей стороне.

Прорыв из окружения

Ночью противник высадил десант в тылу наших войск, и окружил их. Новый день начался с налёта бомбардировщиков, во время которого в атаку пошли немцы, удачно отражённые вчера мощным ударом артиллерийского полка.

Пехота не удержала позиции, оставила Грудиновку, и, неся большие потери, в беспорядке стала отходить из села к лесу, на опушке которого окопалась батарея первого дивизиона артиллерийского полка.

Майер только что восстановил нарушенную связь батареи с командным пунктом дивизиона. В лесу было шумно. С южной его окраины винтовочные выстрелы и пулемётные очереди сливались в сплошную какофонию, в которую с разными интервалами вплетались выстрелы наших орудий и взрывы вражеских снарядов.

— Первый, первый! — кричал в телефонную трубку Шведов. — Докладываю: материальная часть исправна, убитых четверо, погиб командир третьего орудия Рыжов, шесть человек ранено. Нуждаюсь в пополнении.

— Шведов! — отвечал ему Андрюшин. — Знаю! Но у меня людей нет! Бери кого хочешь из пехоты! Но рубеж ты должен отстоять! Ставь пушки на прямую наводку, останови танки во что бы то ни стало!

— Слушаюсь! — с досадой в голосе произнёс Шведов и бросил трубку. — Майер! К третьему орудию наводчиком! Там Рыжова убили. За мной, Саша, я тоже туда!

И Сашка, надев каску, побежал за комбатом к третьему орудию.

Чем ближе они были к южной окраине леса, тем чаще свистели мимо них пули, смачно щёлкая в стволы деревьев, осыпая солдат сбитыми ветками.

На самом краю леса, прячась за стволами берёз, на тощей лесной траве лежала пехота, выставив вперёд длинные ружья, и стреляя в невидимого Сашке врага.

В промежутках деревьев наспех были вырыты артиллерийские окопы, из которых высовывались длинные стволы дивизионных пушек.

— Третье орудие крайнее справа, — сказал Шведов, — давай туда!

Майер побежал в указанном направлении и увидел сломанную, будто через колено переломленную сказочным богатырём, берёзу и вырытый перед ней окопчик, на дне которого на заливной кровле глине лежал сержант Рыжов. Под подбородком вместо горла кроваво чернела бесформенная масса. Над окопом стоял высокий пенёк с торчавшими вверх длинными, острыми, как ножи, сколами.

Рядом, обхватив руками голову со слипшимися от крови волосами, сидел, раскачиваясь, заряжающий Давид Губер. Чуть поодаль поджав ноги, корчился и зажимал руками живот замковый Пшеничный.

— Снаряд имел попасть в это дерево, а от дерева осколки брызгали вниз в окоп, прямо на нас, — сказал Губер. — ему на горло, Пшеничный на живот, мне на голова и рука.

За лесом Сашка увидел поросшее разнотравьем широкое поле, распростёртое до едва видимой вдаль Грудиновки, оставленной сегодня утром.

По полю ползли серые немецкие танки, за ними, скрытые по пояс в траве, следовали автоматчики. Они падали, приседали, вставали в густом белоголовнике и казалось, что они собирают ягоды.

— К орудию! — заорал Сашка, испугавшись, что немцы так близко. — Снаряд! Броневой бойный!

Он на мгновение удивился, что снарядный Генка Кульков опрометью кинулся выполнять его команду.

— Давид, заряжай!

Губер оторвал руки от окровавленного лица, встал к пушке и открыл затвор. Его большая как лопата ладонь, рассечённая осколком, подхватила принесённый Кульниковым снаряд и, оставив на нём кровавые разводы, вогнал в казённый.

Майер прильнул к прицелу, сам себе скомандовал: «Огонь!» и выстрелил. Он ещё раз удивился, что снаряд ударился в гусеницу головного танка и не понарошку, а по-настоящему взорвался, потом радостно наблюдал, как свалилась с направляющего колеса гусеница, и танк развернулся бортом к орудию. Он снова крикнул: «Снаряд!», но в голосе его уже слышались уверенность и торжество. Пока танк разворачивал башню с нацеленной в их сторону грозной пушкой, Давид вогнал в казённую часть второй снаряд, и Сашка выстрелил снова, уже уверенный, что попадёт в подставленный танком борт.

Так и случилось: за башней вспыхнул огонь, и над танком словно нехотя поднялась струйка серого дыма и, становясь черней и гуще, столбом поднялась над полем, из танка выби-
рались танкисты и прыгали на землю под защиту брони. Пехота залегла в траве за подбитым танком. Туда строчил наш пулемёт, но не доставал — пули, высекая искры, попадали в броню и отскакивали. Откуда-то били миномёты, но Майер не мог определить откуда, и поэтому дал несколько выстрелов осколочными снарядами по местам, где могли по ему мнению быть скопления немцев.

Между тем оставшиеся танки широким фронтом обходили лес, немецкая пехота приближалась, её было много. Наши пехотинцы поднимались и отходили в глубь леса, оставляя батарею без прикрытия.

— Куда, мать вашу! — услышал Сашка.

Это был начштаба дивизиона старший лейтенант Ларионов верхом на вороном коне по кличке Антрацит:

— Назад! Застрелю!

В руке у него действительно был пистолет. Отступающие смешались, остановились.

— Кто старший?!

Подбежал лейтенант с забинтованной головой:

— Товарищ капитан, зам командира роты лейтенант Чесноков.

— Слушай приказ: будешь прикрывать отход дивизиона. Отойдёшь только по сигналу ракеты! Уйдёшь раньше, расстреляю! Понял?

— Так точно! Рота! За мной!

Сначала нерешительно, один за другим, а затем дружно красноармейцы побежали за своим командиром.

Рядом с Ларионовым появился Шведов.

— Первая батарея! С позиции сниматься, отходим! Прорываться в северном направлении! Совхоз В..., — кричал он и побежал с этим приказом к другим орудиям.

Из глубины леса ездовые бегом подводили лошадей.

Зацепив пушку за передок, расчёт Майера по аппарели¹ вытащил её из окопа, на передок положили Пшеничного и погнали по едва видной, ещё до войны проторённой между деревьями, дороге на север. Впереди на Антраците скакал Ларионов. Орудие подпрыгивало на корнях и в выемках. Пшеничный, стиснув зубы, едва слышно стонал. Губер, сидя на лафете, перевязывал руку.

Их перегнал расчёт Ивана Максимова. Ездовой Крейнер, сидя верхом, бешенно настёгивал лошадей, и от его упряжки шестёрником с дороги шарахались солдаты: кто с одной винтовкой, кто с пулемётом, кто с противотанковым ружьём одним на двоих.

Наконец лес кончился. Впереди лежало чистое поле, в полутора километрах от опушки пересечённое дорожной насыпью. Кругом взрывы, свист пуль.

¹ аппарат — в артиллерии сооружение, чаще всего, насыпь для обеспечения пологого спуска или подъёма орудий и т. п.

Ларионов с Андриюшиным спешили, передали ординарцам Алима и Антрацита.

Вокруг комдива и его адъютанта собрались все три комбата. К ним подскочил незнакомый всадник — по званию майор.

— Капитан, — закричал он Андриюшину, — немцы закрепляются за дорогой. К ним танки подходят. Медлить нельзя! Надо прорываться. Проложи мне дорогу, поджарь их как следует, не то погибнем!

Это понятно. Стрельба уже гремела со всех сторон.

— Товарищи командиры! — сказал Андриюшин командирам батарей. — Задача ясна? Командуйте!

Орудия развернули и выпрягли лошадей.

— Ребята! — вскрикнул Кульков. — Витька умер!

Действительно, Пшеничный лежал вверх лицом, бледный и спокойный. Июльский ветер едва заметно шевелил его волосы. Низ гимнастёрки был мокрым от крови.

Губер и Кульков сняли его тело с передка и положили на траву под порослью молоденьких берёз. Хоронить было некогда.

Через пять минут три батареи дивизиона изготовились к открытию огня.

Майор пошёл к своему батальону. Проходя в нескольких шагах от Сашки, он снял фуражку и вытер рукавом пот со лба. На голове его холодно блеснули серебряные волосы. Это был тот самый майор, принявший его с Власовым в своём блиндаже две ночи назад, и на участке которого они корректировали огонь по немецкой переправе на Днепре.

Прибежал Власов:

— Шведов прислал к вам установщиком! Слушай, Саш, он сказал, что ты танк подбил. Правда?

— Правда, правда.

В это время они услышали вой не вой, свист не свист, и рядом взорвалась мина. Власов отлетел назад, смешно перевернувшись в воздухе вниз головой. Штык винтовки, висевший у него за спиной, вонзился в землю, и пришили его к дёрну. Он засучил короткими ногами, как упавший на спину жук.

— Ты цел? — кинулся к нему Майер.

— Проклятая немчур! Сегодня третий раз меня с ног сбили! Что смотришь? Выдержи штык.

— Орудия, к бою! Заряжай! — раздалась команда. — Огонь!

На дороге и перед дорогой выросли столбы взрывов наших снарядов.

— Огонь!

Наши пушки грохотали четверть часа. Над немецкими позициями стояли клубы пыли и дыма.

Последовал приказ перенести огонь дальше за дорогу, и в атаку пошла пехота. Впереди красноармейцев бежал седовласый майор.

Вот они добежали до дороги, поднялись по насыпи, скрылись за ней.

— Прекратить огонь! — приказал Шведов. — Запрягай! Вперёд, ребята! За мной! На прорыв!

Ездовые вывели лошадей, запрягли, понеслись за пехотой. Шведов вскочил на лафет их орудия, справа параллельно мчалось второе орудие сержанта Максимова, слева четвёртое старшего сержанта Ефремова. Впереди скакал на Алиме Андриюшин.

Немцы не ожидали атаки и побежали на запад и восток, расступаясь перед красноармейцами.

Пушки перемахнули через дорогу.

— Товарищ, политрук! — закричал Власов. — Крейнера нет! На той стороне дороги остался! Сбежал, гад!

— Может убить? — предположил Майер.

— Ну конечно! Стрельбы не было, а он убит! Сбежал, сволочь! Я знал, я предупреждал!

— Некогда, Костя, некогда, потом разберёмся! — сказал Шведов. — Ничто ещё не кончилось!

И только он это сказал, как все услышали знакомый сверлящий вой, и чёрные тени понеслись по полю. Самолёты! Взрывы, взрывы, в самой гуще почти прорвавшихся красноармейцев! Крики людей, вой, грохот — такие, что собственной езды не слышно.

Почти догнали седовласого майора — слетела с него фуражка — в руке винтовка — подобрал у убитого — что-то кричит, но не слышно.

— Сашка! Ведь это тот самый! — узнал Власов. — Который...

И вдруг бомба попала прямо в седовласого. Взлетела к небу земля, и майор исчез в этом чёрном крошечке. А человек был и нету — на землю вместе с опавшей землёй он уже не вернулся.

А сзади другой самолёт, и третий — и все на их орудие. Кульков вцепился в станину ногтями: «Господи помилуй, господа помилуй! Только не сейчас, только не сейчас!» И Давид Губер: «Марья унд Йозеп!»

«Неужели всё это действительно происходит?! Неужели это происходит со мной?! — проносилось в Сашкином мозгу. — Как случилось, что я оказался на этом поле, и вокруг меня творится такое?! Как мы ещё живы? Нас всех давно должно было поубивать, а мы всё мчимся, и кони наши живы и мчатся, вытягивая шеи как взлетающие журавли».

Точно также справа от первого орудия неслось второе сержанта Максимова, правда уже без Крейнера. Сзади на него свалился в пике самолёт. Треснул взрыв, и бомба попала точно в лошадей. И грянулись они о землю со всего расскока, заржали тонко, жалобно, предсмертно. Ещё бились они раненные, окровавленные, но уже неслось на них по инерции тяжёлое орудие, перевернулось и рухнуло сверху вместе с расчётом, давя и погребая под собой и их и людей.

— Стой! — закричал Шведов. — Стоой!

Они остановились и бросились спасать товарищей, и никто из них не глянул в небо.

— Руби построшки! — командовал Шведов.

Скользя в конской крови и слизи, освободили пушку и вытащили из-под неё людей. Трое были уже мертвы, а двое, в том числе Максимов, покалечены, но живы. Их отнесли на передок своего орудия. Пушку подняли и поставили на колёса.

— Ребята! Нельзя оставлять пушку врагу! — сказал Шведов. — Выпрягайте пару наших лошадей!

И побежал вслед за расчётом исполнять собственную команду.

В этот миг за спинами артиллеристов раздался взрыв. Это последний «Юнкерс» сбросил последнюю бомбу. Жаркий воздух ударил Сашку в спину. Он полетел кувырком, а, поднявшись, увидел лежащего ничком Шведова.

— Костя, — комбат! — крикнул он Власову.

Шведов был ещё живой, но в позвоночнике у него торчал зазубренный осколок в ладонь величиной. Его подняли и потащили в воронку от бомбы, опасаясь возвращения «Юнкерсов». Но они больше не вернулись, а комбат через пять минут умер.

Не внушающие доверия

Полк вырвался из окружения. В тот же вечер командир первого дивизиона Валерий Кузьмич Андриюшин написал следующее донесение, то сокращая слова, то выводя их полностью:

«11 июля первый дивизион ... -го лёгкого артиллерийского полка с ... -м стрелковым полком 148-ой стрелковой дивизии заняли боевые порядки и приступили к выполнению поставленных боевых задач. Противник предпринял атаки на Грудиновку, бросив в бой не менее пятнадцати танков и до батальона пехоты. Бой продолжался непрерывно с 15.00 до 18.30. Противник был остановлен артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём. Уничтожены два танка, не менее пятнадцати мотоциклов и до роты пехоты.

12 июля в 8.00 после налёта авиации противник открыл сильный ружейно-пулемётный и артиллерийский огонь, который длился в течение всего дня. Ввиду превосходства сил пр-ка отстоять Грудиновку нам не удалось. Второй батальон ... -го полка, неся потери от руж.-пулем. огня и авиации, отошел к лесу в квадрате Затем под натиском танков продолжил отход к северной окраине урочища Широкое. Д-н был оставлен без пехоты на огневой позиции и находился в окружении в течение 2-х часов... Д-н вступил в неравную схватку. Орудия прямой наводкой шрапнелью и гранатами оскол. действия отражали атаки пехоты. Бронебойными снарядами был уничтожен один танк.

Искл. героизм проявила 1-я бат. под командованием политрука Шведова. Точно был выполнен приказ ком. д-на не отступать, а поставить ор. на прямую наводку. Громили пр-ка во всех напр-ях шрапнелью и гранатой.

Отважно действовал начальник штаба ст. л-т Ларионов. Получив сведения о состоянии дивизиона, принял меры для вывода д-на из окружения на новый рубеж, заставив собранные им подразделения стрелкового полка прикрывать отход д-на.

Д-н организованно вышел из окружения в районе Слободка для перегруппировки сил. Мат. часть исправна. Обеспечен вывод полковой и противотанковой артиллерии ... -го сп, которая находилась в руках пр-ка без ком. состава и бойцов. Под прикрытием огня д-на были вынесены с поля боя раненые пулроты и стрелки ... -го сп. и отправлены в ПМП.

Потери.

Геройски погиб и.о. командира первой батареи политрук Шведов — исключительно стойкий, умелый, беспредельно преданный Родине командир, большевик.

Убито: на первой батарее 5 человек, ранено 6 человек; на второй батарее 3 человека убито, 5 ранено; на третьей: 2 человека убито и 2 ранено.

Потеряно 2 автомобиля с боеприпасами.

Прошу представить к правит, награде: ст. адъют. д-на л-та Ларионова Алексея Семёновича, Шведова Степана Ильича, командира орудия сержанта Рыжова Ивана Сергеевича, кр-ца Савичева Ивана Васильевича (взв. упр.), наводчика 3 ор. кр-ца Губер Давид. Давид., к-ра отд-я разведки с-та Карпова Фед. М., мл. политрука Анохина Викт. Мих. (4 бат.).

Прошу объявить благодарность в приказе по полку отличившимся в бою 11/07: к-цу Майер А-ндрю Эд., к-цу Власову Конст. Мак., кр-цу Кулькову Ген. Александ. — оруд. номер, Хасамутдинову Зайнуле Гумаровичу — кр-цу, езд., кр-цу Дитрих Ив. Ив. — ор. номер.

Пропали ездовые Крейнер и Гуцелюк».

Комдив подумал, подумал и приписал: «По некоторым сведениям ездовой Крейнер Вальтер Эммануилович перебежал к врагу.

К-р первого дивизиона ... -го ЛАП² капитан Андриюшин».

² ЛАП — лёгко-артиллерийский полк.

Андрюшин и сам не знал, зачем он дописал это предложение. Минуту назад он не хотел его писать, потому что, как честный человек, не мог сообщать командованию сведения, в которых не был уверен, но будто кто-то свыше водил его рукой. Так часто бывает: человек иногда говорит то, чего не хочет, о чём вскоре очень пожалеет. И при воспоминании о том миге, когда говорил это, ему покажется, что говорил кто-то другой, а не он.

Между тем, эта фраза круто изменила судьбу Александра Майера. И не только его судьбу.

Дело в том, что в полк несколько дней назад пришла директива №002367 от 30 июня 1941 года, которая предписывала изъять из Красной Армии военнослужащих, не внушающих доверия. Но кто они, эти не внушающие доверия, было сказано как-то расплывчато: «высказывавших пораженческие настроения, недовольство Советской властью, желание сдаться в плен».

Командование попало в затруднительное положение: кто же высказывает пораженческие настроения, недовольство Советской властью и желание сдаться в плен? С другой стороны, в голову каждому не залезешь: может он громче всех кричит «Наше дело правое, победа будет за нами!» и клянётся быть верным присяге, а при случае застрелит командира и убежит к немцам. Такое бывало. Уж на что Тухачевский, Блюхер, Егоров, — а оказались проклятыми троцкистами, омерзительными шпионами, а тут... Есть над чем задуматься! Вот если бы какой внешний признак неблагонадёжности, очевидный, так сказать! Да и некогда выявлять скрытых врагов, когда от явных не успеваешь отбиваться! Но не выполнить приказ нельзя. А вдруг и правда: проявится такой неблагонадёжный, взорвёт что-нибудь, своих постреляет, к врагу переметнётся! А сверху скажут: мы же вас предупреждали! Почему не выполнили директиву, не избавились от не внушающих доверия? Придётся отвечать по безжалостным законам военного времени.

И вдруг такое донесение! Немец перебежал на сторону врага! Как же мы раньше не догадались! Они и есть неблагонадёжные. От греха подальше, на всякий случай вычистим их из полка, тем и директиву выполним.

Утром следующего дня Майера, Губера, Келлера, Дитриха и ещё несколько человек из первого дивизиона вызвали в штаб полка, который располагался в лесу, километрах в трёх от фронта, в блиндаже.

Утро было солнечное, свежее, и только глухой рокот, доносившийся с северо-востока, напоминал о войне.

Около штаба собралось человек сорок, и Майер обратил внимание, что все были немцами. Под деревьями стояли два грузовика. На подножках сидели шофёры и курили самокрутки.

Вышел подполковник — заместитель командира полка — и зачитал им приказ: красноармейцев немецкой национальности с фронта снять и отправить на тыловые работы.

Повисло удивлённое молчание.

— Это как же? — спросил Сашка. — Вы нам не доверяете?

— Товарищи, я лично в вашей верности и храбрости не сомневаюсь — ответил подполковник, — вчера вы дрались очень достойно, но приказ есть приказ, я обязан его выполнить. Командованию виднее, возможно вас хотят использовать для каких-то более важных целей. Во всяком случае приказ обсуждать мы не будем. Вы должны сдать оружие и отбыть в тыл на новое место службы.

— Товарищ подполковник, — сказал Сашка, — если мы встретимся по дороге с противником, как же без оружия? Мы не сможем оказать сопротивления.

— Товарищи! Нахождение где бы то ни было вооружённых лиц, не являющихся военнослужащими, категорически запрещено! А вы с этого момента не являетесь военнослужащими. Так что отказ немедленно сдать оружие будет считаться неподчинением приказу. Понятно?

— Понятно, — сказал Сашка, снял с плеча винтовку и бросил перед собой на траву.

Немцы сдали оружие и полезли в кузова двух полуторок, ждавших в тени деревьев. В кабину первой полуторки сел младший политрук, которого им дали в сопровождающие, и они отправились.

— А Власов утром сказал: «Интересно, зачем вас вызывают. Наверное, за вчерашнее награждать», — сказал Майер.

— Да уж! Наградили, нечего сказать! — ответил ему Дитрих.

— Власову есть за что нам завидовать, — сказал ездовой Келлер. — Ведь мы едем в тыл, а он остаётся на фронте.

— А где тыл? У нас с утра было тихо, а там, куда мы едем, такой грохот...

Действительно, чем ближе они подъезжали к Могилёву, тем отчётливей слышались оружейные выстрелы, взрывы снарядов и ружейная трескотня, тем чаще встречались им уходящие направо и налево от насыпи противотанковые рвы, окопы и щели, уже занятые, а чаще ещё не занятые нашими войсками. И далеко, и близко от насыпи несколько сот гражданских, в основном женщин, продолжали их копать, не обращая внимания на гремящую неподалёку стрельбу.

Перед въездом в город дорога была настолько разбита, изъезжена воронками от бомб, что пришлось остановиться. Чтобы проехать, надо было засыпать их землёй и глиной.

Несколько сот гражданских, в основном женщин, продолжали копать противотанковые рвы, не обращая внимания на гремящую неподалёку стрельбу

Из кабины выскочил младший политрук, смешно разбрасывая в стороны длинные голени, сбежал с насыпи. Он что-то кричал и призывно махал руками. Человек десять, закинув на плечи лопаты, подошли к нему. Он махал руками и показывал на их машины. Люди с лопатами последовали за ним и поднялись на шоссе. Среди них был только один мужчина — старик лет шестидесяти в галифе, с зачёсанными назад совершенно седыми волосами.

Женщины были не старыми — от двадцати до сорока лет, повязанные белыми платками, из-под которых выбивались мокрые волосы. От них пахло перегретой солнцем кожей и горячим потом.

— Это они час назад бомбили, — сказала одна, самая красивая и большеглазая с толстой русой косой, свисавшей на грудь.

— И вам не страшно? — спросил младший политрук.

— Мы привыкли. Немцы уже с третьего числа стоят на окраине — у рабочего посёлка. А такая пальба только со вчерашнего дня.

— Давайте, бабы, за работу! Надо обеспечить товарищам проезд! — сказал старик.

Женщины разбежались по дороге и стали засыпать воронки.

— А вы, товарищи, куда направляетесь? Позвольте представиться, Василий Данилович Столбов, учитель, участник гражданской войны. С кем имею честь.

— Младший политрук Матвей Арютов.

— Объясни мне, младший политрук Матвей Арютов, что происходит? Ведь мы недавно пели: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью могучим ударом».

— Василий Данилович! Как вы думаете, у нас есть танки и самолёты?

— Думаю, должны быть... Но я их ещё не видел.

— А почему вы их не видели?

Старик ошарашенно пожал плечами.

— Вы их не видели, потому что они не здесь, а в другом месте.

— Так, так, так, — сказал, оживляясь Василий Данилович, — понял вас, понял! Признаться, давно такая мысль в голове торчит. Я так понимаю: Сталин нарочно заманил их сюда. А основные силы у нас на севере в Прибалтике, и на юге на Украине. И в урочный час ударом с севера и юга навстречу друг другу эти две группировки срубят немецкий клин и окружают их основные силы здесь, в центре. Правильно я понимаю?

— Правильно, Василий Данилович. Детали я конечно не знаю, но в общем, замысел, действительно такой.

— Господи! Я знал, я знал! Всегда думал: «Не может быть, чтобы товарищ Сталин позволил обмануть себя какому-то сумасшедшему Гитлеру! Ну успокоил, успокоил! Спасибо, сынок! Уж так обрадовал! Гора с плеч! А когда, когда начнётся?»

— Что начнётся?

— Ну решающее наступление?

— Этого я не знаю, потому что военная тайна.

— Ты не бойся, я ведь никому не выдам.

— Думаю, недели через две. Ведь организовать такие удары не просто: надо подвезти продовольствие, горючее, боеприпасы.

— Да, да, я понимаю. А это кто с тобой, пополнение? Мобилизованные?

— Да нет, это... Как вам сказать...

В это время сердобольная девчушка обратила внимание на Давида Губера, у которого были забинтованы голова и рука.

— Вы уже были в бою, вы ранены?

— Да, я имел быть ранен, — ляпнул Давид. — В нас стрелял танк. Снаряд имел попасть в дерево, а от дерева осколок мне на руку и голова.

У девчушки глаза округлились от ужаса, она выронила лопату и попятилась. Пятясь, пока не упёрлась спиной в Василия Даниловича.

— Что с тобой, Любушка?!

— Дедушка! Это не наши! Это немцы! Немцы! Немцы! Спасайтесь! Это немцы! Диверсанты! — закричала Любушка и скатилась с шоссе.

За ней с криками и визгом бросились бежать другие женщины.

— Стойте, стойте, — закричал Арютов. — Это не немцы! Это наши немцы, с Поволжья! Стойте! Я политрук, я сопровождаю их в тыл на работу, на строительство дорог! Вот мои документы! Василий Данилович! Сами подумайте! Какие они диверсанты?! У них даже оружия

нет! Разве бывают диверсанты без оружия?! Василий Данилович! Вы ведь старый солдат, в гражданскую воевали! Ну скажите им!

— Как вы напугали нас! Бабы! Эээй! Остановитесь! — завопил Столбов и закашлялся. — Не бойтесь! Свои они! Наши!

Но было поздно, никто его не услышал. И уже далеко от дороги белели платки и трепались на ветру подола платьев.

— Они уже не вернуться! — безнадежно махнул рукой Василий Данилович. — Ладно... Дорога готова, проедете теперь. Оно, сами понимаете, глупые бабы, как говорится, курица не птица... Но их можно понять: у нас только и разговоров, что о диверсантах. На днях целого полковника убили! Остановили на дороге: «Предъявите документы!» Пока в карман лазил, целую обойму в него всадили. Такое время пришло: не поймёшь кто свои, кто враги! Говорят, на прошлой неделе народ вот так работал, как мы, летит самолёт с красными звёздами. Бабы рады-радешеньки: прыгают, руками машут. Приветствуют. А он по ним из пулемёта. Шесть человек убил. Ну ладно, езжайте, раз свои.

Когда, наконец, немцы расселись по машинам, старый учитель подошёл к кабине и, встав на подножку, с неловкой улыбкой спросил младшего политрука:

— Скажи, добрый человек, ты про контрудары не соврал? Может выдумал, чтоб нас успокоить?

— Нет, Василий Данилович, не выдумал. Будут контрудары, обязательно будут, и эти гады обязательно попадут в окружение.

— Ну езжайте! Уж вы того, — старик отвернулся, скрывая слезу, — оставайтесь живыми.

В полдень приехали в Могилёв. Текущий с севера Днепр в самом Могилёве поворачивал на запад и рассекал его надвое. По обеим берегам, словно охраняя его нежную зеркальную гладь, бежали за ним зелёные лесные дружины, останавливались, пропуская под мост, и встречали, когда на другой стороне он выбегал из-под него.

Машины с не внушающими доверия не останавливаясь, переехала по мосту на северную сторону.

Грохотало уже со всех сторон. Казалось, город вымер: редкие прохожие, редкие автомобили. Во многих зданиях оконные проёмы были заложены мешками с песком, а проезды во дворы перекопаны. На одной из площадей стояли зенитки и трёхдюймовые орудия.

Остановились на улице, против длинного бревенчатого здания, с вывеской «Столовая».

Входная дверь была открыта из-за жары, и по всей улице растекался запах борща.

— Неужели этот борщ сварен для нас? — сказал Дитрих.

— В том числе и для вас, — ответил вылезший из кабины младший политрук. — Товарищи... как там вас? Одним словом, будем обедать. Мне на вас выданы продовольственные аттестаты. Подождите меня здесь, сейчас договорюсь и приду за вами.

Арютов ушёл, а один из немцев, кажется ездовой из второго дивизиона, сказал: «Лучше бы ехать, чтоб поскорей в тыл попасть. Успеем ещё поесть».

Майер подумал, что, наверное, в этой столовой до войны утолял голод рабочий люд из ближайших предприятий, может забегал кто-то не успевший поесть дома. Была нормальная жизнь. Счастье этой жизни он почувствовал только сейчас, когда его привезли обедать не потому что он хочет, а потому что на него есть продовольственный аттестат, его надо погасить, кто-то за него должен отчитаться. Никто его не спрашивает, чего он хочет и чего он не хочет. Он впервые почувствовал себя взятым кем-то в плен. Вот зашло человек двадцать солдат. Они серьёзны, в глазах их тревога, может даже страх за свою жизнь, но они при оружии и свободны. А его привели сюда как пленного. А за что? Разве он воевал хуже других? Нет, не за то, а за то, что он немец. Но разве он виноват, что родился немцем? Он чувствовал, что сегодня в нём покачнулось что-то очень важное.

Через четверть часа вышел младший политрук:

— Заходите, товарищи демобилизованные, обед готов!

Похоже Арютов был доволен, что подобрал им подходящее название.

Вошли в обеденный зал — длинный, чисто побеленный с несколькими рядами столов. Младший политрук привёл их к свободному столу против двух окон. На столе уже стоял хлеб, и официантки в довоенных фартуках и косынках расставляли солдатские алюминиевые миски с борщом.

За соседними столами обедали советские солдаты, которыми и они были ещё сегодня утром.

Девушка-официантка необычайной красоты, похожая на Алису, поставила перед Сашкой миску с борщом и улыбнулась, но не ему, а сидевшему рядом Губеру, который просто просиял в ответ всей своей красной физиономией, а Майер скромно взял краюху серого хлеба и зачерпнул первую ложку борща. Борщ был с мясом и ещё горячий. Пожалуй, он никогда не ел такого вкусного борща, как этот.

Издали надвигался какой-то шум, который за несколько секунд вырос до ужасного, разрывающего барабанные перепонки воя. Закрывая солнечный свет, пронеслись перед окнами чёрные тени, и чудовищный удар качнул здание. Вылетели окна, двери, могучей рукой смахнуло со столов всё, что на них стояло, и в одно мгновение чудесный могилёвский борщ оказался на полу, смешанный с пылью, извёсткой, обвалившейся штукатуркой и осколками выбитых стёкол, и в этом месиве лежали слетевшие со скамеек красноармейцы — как нынешние, так и бывшие.

Отброшенная взрывом к дальней стене, страшно кричала похожая на Алису красавица-официантка, зажимая ладонями глаз. Её пальцы были в крови.

Сашка сидел в простенке, и осколки стёкол его не тронули. А Губеру опять рассекло темя — почти в том же месте, где вчера чиркнул по нему осколок немецкого снаряда. Стёклами были ранены ещё несколько солдат.

Между тем вой стал удаляться и вскоре пропал. Так в одну минуту начался и закончился налёт немецкой авиации.

Когда выбрались наконец из столовой, то увидели, что им сказочно повезло: огромная двухсот пятидесятикилограммовая бомба взорвалась рядом с углом здания, но связка брёвен лишь покосилась, а не разлетелась, и благодаря этому никто не погиб.

Но повезло им не во всём: на улице против входа в столовую ярким пламенем горели обе их машины. Ехать дальше было не на чём.

Немцы жались к покосившейся стене столовой и молча смотрели на огонь и суету вокруг их машин.

Арютов, не пострадавший во время взрыва, показывал документы приехавшему майору и спрашивал:

— Что мне делать?

— Позвольте, я не понял, кто они такие?

— Немцы.

— Пленные что ли?

Майор с красными глазами видно плохо соображал после нескольких бессонных ночей.

— Зачем пленные? Наши, советские немцы, красноармейцы ... -го лёгко-артиллерийского полка. Мне приказано доставить их в тыл, в Чаусы, а у меня машины разбиты!

— В какой тыл, голубчик? Могилёв окружён! Какой дурак послал вас в Чаусы?

— Как же?! Я не знал, что Могилёв окружён.

— По моим сведениям, противник уже подходит к Чаусам. Куда же вы поедете?

— А как мне быть?

— Не знаю, не знаю, — равнодушно отвечал майор. — Обращайтесь в комендатуру.

— А где она?

Майор стал объяснять, а младший политрук раздражённо со слезами в голосе перебил его:

— Что же я, сорок человек потащу за собой через весь город?!

— Зачем водить за собой? Здесь много брошенных зданий, пусть посидят, подождут, пока выясните. Эй, Остапенко, проводи младшего политрука с компанией во вторую школу.

— Они не моя компания, — злобно сказал Арютов и махнул немцам. — Следуйте за мной!

Остапенко был скуластый мужик с белёсыми бровями и на все вопросы отвечал односложно:

— Начальству видней! Прорвёмся!

Он привёл их в школу, которая располагалась в огороженном тополями дворе со сломанной калиткой. В школе было пусто, тревожно, сумрачно.

— Сидите здесь, не вздумайте убежать! Навязались вы на мою голову! — сказал Арютов и ушёл вместе с Остапенко.

— Ну что, камрады, как себя чувствуете? — спросил артиллерист гаубичной батареи Траубе.

— Вроде заключёнными, — ответил кто-то.

— Вчера ещё стояли плечом к плечу, а сегодня: «Не вздумайте убежать!»

— Куда мы теперь? Слышали, Могилёв окружён, тыла нет, — сказал Дитрих. — Лучше уж драться, чем ни туда, ни сюда.

— Ладно, послушаем, что политрук скажет, — сказал Сашка.

Арютов вернулся часа через два.

— Плохи ваши дела! — сообщил он. — Могилёв окружён, гарнизон готовится к уличным боям, что с вами делать — никто не знает. И вот ещё что... Немцы выбросили с самолётов парашютный десант. Они одеты в форму красноармейцев. Наши пошли их ловить. У них приказ в плен никого не брать. Представьте: попадёте вы им под горячую руку вот такие как есть: в красноармейской форме, говорящие с немецким акцентом. Сами понимаете, что с вами будет. Так что сидите здесь и не высывайтесь.

— А вы, товарищ младший политрук?

— А я пойду сражаться, не сторожить же мне вас!

Арютов ушёл, и не внушающие доверия его больше не увидели.

В Могилёве

Ошеломлённые красноармейцы несколько минут стояли молча. Снаружи всё громче слышались оружейный грохот и ружейно-пулемётная пальба.

— Как же так? — растеряно спросил кто-то. — Привезли и бросили...

— Сражаться он пошёл! А нас куда?!

— Ты доставь нас куда следует и передай кому положено, а потом иди и сражайся!

— Вот именно. Куда нам теперь деться?

— Хоть бы в комендатуру сдал, засранец!

— Что делать?

— Ты, Майер, как думаешь?

— Не знаю! Может вернуться в полк?

— Вернуться невозможно, — сказал Дитрих. — Слышали, что он сказал? — Примут нас за диверсантов и перестреляют, как куропаток. Да и дорога, давно перерезана.

— Если здесь остаться, с голоду передохнем.

— Да, продовольственных аттестатов он нам не оставил.

— Обед в столовой на полу остался. А такой борщ был!

— Да, — согласился Сашка, — борщ был отменный. Я только попробовать успел.

— Девушку жалко, — сказал Губер. — Такая красивая.

— Ты себя жалеешь! — сказал Траубе. — Девушка давно в госпитале, и о ней есть кому позаботиться, а о нас некому. Хоть бы знать, что делать!

— Пойдёмте в комендатуру, попросим зачислить нас в какую-нибудь часть, — предложил Губер. — Прорвёмся, тогда пусть отправляют куда хотят.

— Не прорвёмся мы никуда! — махнул рукой Траубе.

— Хочешь сказать, что надо ждать, пока немцы придут и возьмут нас в плен? — спросил Майер.

— Ничего я не хочу сказать! Нам приказано сидеть здесь, значит надо сидеть здесь. Выполняется последний приказ командира.

— Чей приказ? Младший политрук нам не командир.

— Ну и мы не красноармейцы! Назад в полк я не пойду. Мы там не нужны.

— С чего ты взял.

— Были бы нужны, нас бы не выкинули как блохастых щенят. Как ты себе представляешь: придём в полк и скажем: «Нас в Могилёве плохо встретили, мы решили вернуться»?

— А здесь как сидеть без еды и воды? — спросил Майер.

— Не знаю. Надо как-то добывать, — сказал Губер.

— Как?

— Надо попробовать.

— Иди, пробуй.

— Почему я? Иди ты.

— Хорошо! Я пойду. Но не сегодня. На сегодня мне достаточно впечатлений, — сказал Сашка.

Удавка вокруг Могилёва была туго затянута, но звуки боя на окраине города во второй половине дня стали стихать, хотя гитлеровское командование уже сообщило о его взятии.

Но в тот день, когда немцы-красноармейцы оказались в западне, на фронте произошло важное событие. Шестьдесят третий стрелковый корпус, которым командовал Сашкин знакомый комкор Петровский, неожиданно для форсировавших Днепр немцев, не стал заступать им дорогу, а форсировал реку во встречном направлении, отбил Жлобин и Рогачёв на западном

берегу Днепра и двинулся на Бобруйск, громя вражеские тылы, и немцам, чтобы отразить этот удар, пришлось прервать штурм Могилёва.

Никто из сорока человек, устроившихся на ночлег прямо на полу школьного зала, этого не знал, и, все по-своему, лелеяли в душе свою обиду и, голодные, думали о еде.

Майера тоже терзала обида, что с ними поступили так несправедливо. За что?! За то, что они немцы! А как кричали перед войной, что все народы в нашей стране равны, каждому найдётся достойное место в строительстве социализма.

А что, разве это было неправдой? Да нет, всё так и было. Он чувствовал себя в своей республике вполне комфортно. Он учился и на русском, и на немецком языке, играл в немецком театре. Никто не приказывал ему говорить только по-русски. Так что же произошло сейчас?

Да немало произошло! На страну напали немцы. Немцы! Как объяснить, что это совсем другие немцы, гитлеровцы, фашисты? Фашисты, опозорившие само слово «немец»! Нет! Его нынешняя очень даже обоснованная обида не пошатнёт то большое, надёжное, что было в той прежней жизни, что было ему дорого, с чем срослась его душа, за что он уже воюет целую неделю.

На следующее утро бывшие красноармейцы встали голодные и злые.

— Ну что, Майер, не передумал идти за едой. Пора завтракать, — сказал Траубе.

Он проснулся злой и в очень дурном настроении.

— Не передумал.

— Я пойду с тобой, — сказал Сашке Губер.

— Ты будешь светиться своей повязкой, — ответил Майер.

— Я её сниму, — сказал Давид и стащил с темени повязку, пропитанную кровью и засунул в карман.

— Зачем?! Ну, раз снял, пошли.

Им вдруг повезло. Когда они вышли со двора, то увидели вчерашнего своего знакомого, куда-то спешившего по противоположной стороне улицы.

— Эй, Остапенко! — позвал его Майер. — Ты нас помнишь? Вчера ты привёл нас с младшим политруком в эту школу.

— Ну?

— Тебе майор приказал отвести нас сюда.

— Ну помню!

— Отведи нас обратно к майору.

— Зачем?

— Хотим получить указания.

Остапенко мотнул головой:

— Не! Нельзя!

— Почему?

— У вас пропуска нет. А без пропуска ходить нельзя.

— Почему?

— Приказ начальства. Начальству видней.

— Остапенко, ты пойми, как же нам питаться, если нельзя выйти за ограду?

— Я не знаю. Вот вы на улице, и я уже имею право вас арестовать, потому что приказано всех задерживать и доставлять для выяснения. Которые без пропуска.

— А вот ты нас арестуй и доставь к майору для выяснения.

— Разве так. Доставить для выяснения? Это я даже должен. Пошли.

И они пошли втроём.

— Я и винтовку возьму на изготовку, чтобы вы не убежали.

— Возьми, мы не против. А этот майор кто? — спросил Сашка.

— Командует.

- Чем?
- Чем надо.
- Понятно, — вздохнул Сашка. — А ты при нём кто? Адъютант?
- Не. Бегаю по разным делам.
- Порученец?
- Вроде того. А что ты всё спрашиваешь? Шпион что ли?
- Ты вееди, вееди, твой майор разберётся кто я.
- Стойте! Слышите? Вроде воздушная тревога.
- Не вроде, а она самая.
- Давай в подъезд! — крикнул Остапенко.

И они заскочили в подъезд четырёхэтажного дома, мимо которого шли. Три женщины юркнули вслед за ними:

— Господи, спаси и помилуй, — крестилась одна из них, и все тревожно смотрели куда-то вверх на тёмный потолок, словно именно оттуда должно свалиться что-то страшное.

— Тамара, боже мой, у меня отец во дворе сидит! Один он в дом не зайдёт! Побегу, — сказала одна из них и выскочив из подъезда, зачастила по улице на тонких ножках.

— Опять «Юнкерсы»? Сволочи! — сказал Майер. — Я выйду, посмотрю.

— Кажись, мост бомбят! — сказал вышедший за ним Остапенко. — Далеко.

Действительно, три желтоклювых самолёта один за другим пикировали на невидимую отсюда цель.

— Ух! Ух! Ух! — тяжело и басовито донеслось оттуда, словно гавкал большой старый бульдог, и быстро, быстро стали вырастать из земли серые клубы пыли и дыма.

Вслед выходявшим из пике самолётам мелко и часто затывкали зенитки.

И тут же, ловко переворачиваясь через крыло, пошло заваливаться в пике следующее звено.

— Ух! Ух! Ух!

— Тах-тах-тах. Тах-тах-тах.

— Попали! — вдруг сказал Майер. — Не может быть... Неужели попали?!?!

— И правда попали, — удивлённо сказал Остапенко.

— Ой! Господи боже мой! Сбили! Сбили! — кричали выскочившие следом женщины. — Сбилии!

Они смеялись, рыдали, визжали, обнимались, как будто переживали счастливейший момент своей жизни.

— Ой, ребяташки! Спасибо вам! — и они кинулись обнимать трёх незнакомцев в красноармейской форме, не подозревая, что двое из них уже не красноармейцы.

— Ой! Смотрите, смотрите! — сказала та, которую называли Тамарой. — Выпрыгивают, выпрыгивают злодеи с парашютами!

— Айда быстрее к майору! — сказал Остапенко. — Надо их изловить!

— Ребяташки, поймайте их, поймайте! — вопили женщины. — Родненькие! Защитите! Не пускайте их к нам.

— Мы постараемся, — сказал Майер, потому что ни угрюмый Остапенко, ни Губер с немецким акцентом, не собирались ничего обещать.

Остапенко привёл их к пятиэтажному дому, в котором, видимо, размещался какой-то штаб. Окна в нижнем этаже были заложены мешками с песком, верхние выбиты, асфальт разбит бомбами и усыпан битыми стёклами и кирпичным крошевом.

Они подошли в тот момент, когда из подъехавшей к подъезду легковушки с пробитыми дверцами, опираясь на плечи двух военных, выбрался майор.

— А, Остапенко! Хорошо, что ты здесь! Беги к Абраменке, передай приказ: пусть прочешет Печёрский лес³. Эти гады где-то там спустились. Поймать во что бы то ни стало! Смотри, не убейте по дороге! А это кто?

— Товарищ майор, привёл задержанных. Для выяснения.

— Веди в караулку.

— Они до вас. Те, кого вы велели отвести в школу. Вчера. Из столовой.

— Помню. Иди! Без лётчиков не возвращайся!

— Углов! Этих двоих в мой кабинет. Сейчас пришкандыбаю. И врача ко мне пришли.

— Вы ранены? — спросил Остапенко.

— Надо же! Заметил! — ухмыльнулся майор. — Метрах в ста от моста достал фашист. Повезло. Только ногу зацепило.

Через полчаса Сашка и Губер зашли в комнату, в которой сидел майор со снятым сапогом, спрятав под столом с несколькими телефонами забинтованную ногу. У двери на стуле сидел сержант, которого майор назвал Угловым.

— Ну что вы? Где ваш младший политрук? Сбежал небось?

— Не знаю, — ответил Майер, — сказал, что не сторож нам и уходит сражаться.

— Скользкий тип, не удивлюсь, если сбежал под сурдинку. Не дело бросать вверенных тебе людей, кем бы они ни были. Ну да бог с ним. Вам-то чего от меня надо?

— Зачислите нас в какую-нибудь часть и дайте оружие.

— Ишь ты! На каком же основании я дам вам оружие?

— А на каком основании вы нас разоружили и безоружными отправили в окружённый противником город?

³ Печёрский лесопарк — на северо-западе Могилёва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.